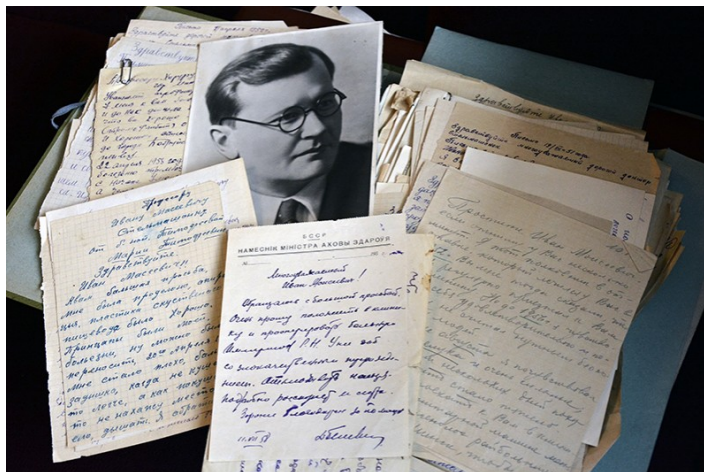

Звание — народный профессор

Более двух сотен писем хирургу Ивану Стельмашонку от благодарных пациентов сохранила его дочь Евгения Большова. Фото Елены Клещенко, "МВ".

Более сорока лет талантливого белорусского хирурга, исследователя и организатора Ивана Стельмашонка нет с нами. Но современное поколение врачей его не только не забыло, но и придает новое звучание его имени. В апреле в Минске прошла конференция, посвященная 115-летию со дня

рождения доктора. А Белорусская ассоциация хирургов утвердила награду для лучших представителей специальности за научно-практический вклад в развитие хирургии — Почетный диплом им. И. М. Стельмашонка.

Рекомендован в медики героем гражданской войны

Тех, кто лично общался с Иваном Моисеевичем, сегодня можно пересчитать по пальцам, да и возраст у них весьма почтенный. Дочери хирурга, гистологу, кандидату мед. наук Евгении Большой, уже за 75. Всю свою жизнь она бережно хранит фото, документы и переписку отца. Семейный архив настолько богат, что стал объектом повышенного интереса работников медицинских музеев.

Держу в руках огромный фотоальбом весом больше пяти килограммов. На одной из первых страниц снимок, датированный 1927 годом. Молодой Иван Стельмашонко в числе выпускников медфака БГУ: высокий лоб — свидетельство ясного ума, открытый целеустремленный взгляд... Парню из бедной крестьянской семьи из-под Осиповичей дал рекомендацию для поступления герой гражданской войны Ян Фабрициус. После окончания вуза Ивана Стельмашонка направили ординатором в 1-ю хирургическую клинику медфака (ныне 3-я ГКБ Минска). Авторитет коллег завоевывал стремительно: не успел расстаться со статусом молодого специалиста, как стал делегатом 1-го съезда хирургов, гинекологов и акушеров БССР.

Иван Моисеевич был хирургом широкого профиля, много оперировал. Ему принадлежит не один десяток авторских методик вмешательств при различных травмах, язвенной болезни, раке желудка, прямой кишки. Особенно ценным был его опыт лечения прободных язв желудка и двенадцатиперстной кишки, что неоднократно публично признавал знаменитый советский хирург академик Сергей Юдин. Клинических наблюдений по язвам на кафедре госпитальной хирургии Минского мединститута, где трудился Стельмашонко, оказалось больше только в НИИ им. Н. В. Склифосовского. Так это же ведущая московская клиника!

Даже в эвакогоспитале нашлось место науке

Современники поражались необычайной работоспособности Ивана Моисеевича. До начала Великой Отечественной войны он успешно совмещал врачебную практику и научную деятельность с административной и общественной работой: руководил столичным горздравотделом, был деканом санитарно-гигиенического факультета, заместителем директора по научной работе мединститута, а также активно занимался созданием службы переливания крови. С таким солидным административным и врачебным багажом Стельмашонка назначили главным военным хирургом

эвакогоспиталей Чувашской АССР и Кировской области, когда началась Великая Отечественная война.

Госпитали были переполнены, катастрофически не хватало медикаментов, перевязочного материала, а также квалифицированного медперсонала. Стельмашонок организовал курсы медсестер и даже проводил научно-практические конференции для медсестер и врачей, где специалисты обменивались опытом спасения раненых.

Ивану Моисеевичу принадлежит идея усовершенствовать и распространить военно-полевой способ обработки рук щелоком — раствором древесной золы. Он научил эскулапов в качестве перевязочного материала для ран применять природный адсорбент сфагнум. Впитывающая способность этого вида мха была в разы выше гигроскопичной ваты. Его собирали в лесу, тщательно очищали, обрабатывали с целью дезинфекции, а затем, заворачивая в бинты или марлю, обкладывали им раны.

«Мы жизнью и судьбой вам обязаны»

Евгения Ивановна приносит папку с пожелтевшими от времени письмами. Их более двух сотен — все со штампом «отвечено». Полуграмотные крестьяне, рабочие артелей, целые коллективы благодарили Ивана Моисеевича за лечение, многие — спустя десятки лет после оказанной помощи.

«Пишет вам больная из Магадана, — читаю на одном из листочков. — Даже не знаю, помните ли вы меня. Я весила 24 кг, когда к вам приехала. Теперь вы меня не узнали бы — настолько поправилась. Кушаю абсолютно все».

Из радиопередач, а чаще от друзей и знакомых люди узнавали, что Стельмашонок помогал больным с тяжелейшими химическими ожогами пищевода. Дети получали такие травмы, случайно глотнув уксусной эссенции или едкого натрия (народное название каустической соды). Взрослые нередко принимали внутрь агрессивные жидкости, чтобы свести счеты с жизнью (были психологически надломлены послевоенной разрухой, голодом и потерей близких). У тех, кто выживал, пищевод был сожжен, люди не могли есть и превращались в живых скелетов. Некоторых приносили на носилках, потому что они не в состоянии были держаться на ногах от слабости.

Хирург Стельмашонок первым в БССР стал выполнять пластику пищевода. Пораженный участок он удалял и замещал новым — сформированным из тонкой кишки. И хоть этот орган не совсем подходил для такой функции из-за недостатка слизи, пациенты обретали возможность питаться, а значит жить.

Если бы технически правильно выполненное вмешательство (а оно проходило в два этапа) было единственной задачей хирурга Стельмашонка! Бывало, уедет из клиники больной с отверстием в животе (некоторое время питаться больные могли, только вливая через воронку жидкую пищу) и... пропадает. В клинике его ждут на второй этап операции, а пациент выбраться с хутора или из деревни не может: на дорогу нет ни гроша. Все усилия врачей насмарку, да и долго в таком состоянии не протянешь.

Иван Моисеевич добился принятия документа, который обязывал сельсоветы, рабочие коллективы помогать этим несчастным добираться в больницу. Поднимал все связи, в том числе депутатские. Его усилиями в БССР была создана стройная система оказания помощи, стал функционировать Республиканский центр по лечению заболеваний пищевода.

Опекать больных Иван Моисеевич продолжал даже после их выписки. Многие из тех, кто совершил попытку самоубийства, не хотели возвращаться в свои села, где их поступок всеми обсуждался и осуждался. Доктор, которому до всего было дело,

выбивал отчаявшимся комнаты в общежитии, однокомнатные квартиры, помогал с работой, а одну женщину устроил санитаркой к себе в клинику.

Он чувствовал ответственность не только за физическое состояние людей, но и за их судьбу.

Перипетии с докторской диссертацией

Последователям Ивана Моисеевича, изучавшим его биографию, не давал покоя вопрос: почему талантливый исследователь, более 18 лет заведовавший кафедрой госпитальной хирургии, работы которого были известны на просторах СССР, не стал доктором наук и не получил профессорского звания? Ответ — в сохраненных Евгенией Большой документ.

Свою докторскую, посвященную лечению открытых и закрытых переломов трубчатых костей, Стельмашенок завершил в 1951 году. Одним из первых в СССР предлагал активную раннюю тактику — металлоостеосинтез трубчатых костей. Защита прошла в Минском мединституте без единого черного шара. Но когда работа поступила в ВАК СССР, в последний момент в утверждении было отказано. Разбираться, что послужило причиной, сам соискатель не стал. А чтобы ценный научный материал не пропал, изложил его в монографии, увидевшей свет год спустя.

И кануть бы этой неприятной истории в Лету, если бы не сотрудник журнала «Советские профсоюзы» Александр Ерохин. Это недоброжелатели Стельмашонка подкинули ему тему для публикации. Вот, мол, прекрасный повод показать горе-врача с претензией на научное звание и выведенного на чистую воду опытными коллегами! Результат оказался совсем не тот, какого ожидали. Дотошно изучая ситуацию в течение двух лет, Ерохин пришел к выводу, что достойного исследователя, авторитетного руководителя и порядочного человека оклеветали, предоставив в ВАК письма с заведомо ложными сведениями! Журналист написал Ивану Моисеевичу и, признавшись в собственной недалекости, заверил: по его инициативе вопрос с диссертацией снова обсуждался — и решение готовы пересмотреть.

Близкие советовали Стельмашонку: надо ехать в Москву, отстаивать честное имя в науке и получить ученую степень, которой достоин! Но Иван Моисеевич категорически отказался: «Есть дела и поважнее».

Неудача с защитой докторской стала далеко не единственной подножкой в жизни деятельного врача. Чашу несправедливых обвинений он испил до дна, будучи директором Минского мединститута. Принципиальность и требовательность Ивана Моисеевича не всем представителям власти были по душе, особенно когда дело касалось распределения выпускников.

Добившийся всего сам Стельмашенок терпеть не мог, когда кто-то с помощью связей пытался пристроить друзей или родственников на теплое местечко. И он позволял себе не только проигнорировать некоторые распоряжения чиновников, но и сопровождать нелестными эпитетами. Года не проходило, чтобы в его учетной карточке члена КПСС не появлялась запись: «Объявить выговор», а месяцем позже — «Выговор отменить». Серьезных-то «улик» против строптивого руководителя не было. А организаторские заслуги налицо — ввел производственную практику для студентов в стационарах, создал институтскую газету «Советский медик», центральную научно-исследовательскую лабораторию с камерой условных рефлексов, мастерскую по ремонту медоборудования, а на базе клинической базы кафедры открыл первое в стране детское хирургическое отделение... Что касается признания коллег, то о нем отзывались чуть ли не как об образце профессиональной чести.

«Незаурядный ум, ювелирная работа рук позволяли ему выполнять сложнейшие операции в спокойной обстановке, — читаю одно из высказываний его учеников к юбилею Ивана Моисеевича. — Он неоднократно говорил, что не может быть художественной операции, если она сопровождается проявлением дурных сторон человеческого характера: криками, нетактичностью или грубыми замечаниями в адрес больного или операционного персонала».

Но вода, как известно, камень точит. За годы постоянных разбирательств по поводу несуществующих грехов Иван Моисеевич устал и сам написал письмо первому секретарю ЦК КПБ Кириллу Мазурову с просьбой освободить его от обязанностей директора вуза, заведующего клиникой, ограничив круг обязанностей научной деятельностью. Не послушали. Еще три года оставили директорствовать. Но верхам стало очевидно: Стельмашонок готов бороться за жизнь пациентов, за научную идею, за внедрение передовых разработок в практику, но только не за должности и регалии.

Сообщество пациентов постановило...

После ухода с поста директора Стельмашонок еще 10 лет работал на кафедре госпитальной хирургии Минского мединститута. Из его многочисленных воспитанников-хирургов «выросли» три профессора и один академик НАН Беларуси, успешно заведовавшие кафедрами: Владимир Катько, Иван Бородин, Борис Мацкевич, Евгений Демидчик. Нынешние хирурги утверждают, что его фундаментальная монография по пластике пищевода, изданная в 1970 году, и сегодня сохраняет свою актуальность.

О признании заслуг Ивана Стельмашонка свидетельствуют орден Красной Звезды, два ордена Трудового Красного Знамени, орден «Знак Почета», звание «Заслуженный врач БССР», знак «Отличник здравоохранения Республики Беларусь». И конечно, письма больных, которые сам Иван Моисеевич очень любил перечитывать.

Начинаются они почти одинаково — с обращения «Дорогой профессор!». Звание, которое Иван Моисеевич, без сомнения, заслужил, но за которое отказался бороться, ему присвоил народ.

Случай

58 лет спустя...

К гомельским торакальным хирургам обратилась за медпомощью бывшая пациентка Ивана Стельмашонка.

82-летняя жительница Жлобинского района Ольга Яковлевна сразу рассказала врачам, что прооперировал ее в далеком 1959-м Иван Моисеевич. Она была молодой девушкой, когда получила химический ожог пищевода, и уже думала, что годы ее сочтены. Стельмашонок выполнил подкожную тонкокишечную пластику пищевода. Десятилетия женщину ничто не беспокоило. Только два с половиной года назад она почувствовала, что стало трудно глотать твердую пищу.

— Мы диагностировали сужение пищеводно-кишечного анастомоза, — прокомментировал торакальный хирург Гомельской областной туберкулезной клинической больницы Сергей Смолицкий. — Выполнили бужирование, функция органа полностью восстановлена, затруднений при приеме пищи нет.

О своем коллеге, основателе тонкокишечной пластики в Беларуси Иване Стельмашонке Сергей Александрович много слышал и рад, что представился случай увидеть результат работы его золотых рук. Больше полвека у пациентки, перенесшей вмешательство, не было осложнений!

— Методики, безусловно, у нас уже совсем не те, что после войны, под кожей тонкокишечный пищевод не формируют, — сказал Сергей Смолицкий. — Но мастерство Ивана Моисеевича налицо.

После выписки из больницы старушку забирает сын. Операция, которую сделал ей Стельмашонк, «исправила» и судьбу: некогда обреченная на тихое угасание девушка вышла замуж, родила, сегодня радуется внукам. Как не вспоминать добрым словом своего доктора!

Последователи

Шанс на жизнь от Виктора Малькевича

Первым обладателем Почетного диплома им. И. М. Стельмашонка стал заведующий онкологическим торакальным отделением РНПЦ онкологии и медицинской радиологии им. Н. Н. Александрова доктор мед. наук Виктор Малькевич.

Белорусская ассоциация хирургов признала, что у этого специалиста самый большой опыт по хирургии пищевода. В этом сложнейшем направлении Виктор Тихонович стартовал 30 лет назад, выполнив резекцию по Льюису, а сегодня на счету доктора около 500 вмешательств.

Заболевания, с которыми приходится иметь дело, — кардиоэзофагеальный рак и рак пищевода. Из всех видов онкопатологии последний наиболее трудно поддается лечению. Пятилетняя выживаемость пациентов во всем мире не превышает 10–15%. Операции, как правило, длятся от 6 часов, и это не что иное, как шанс сохранить и продлить человеку жизнь, улучшить ее качество.

Тем не менее доктор Малькевич убежден, что его самое сложное вмешательство еще впереди.

— В хирургии пищевода сольных партий не бывает, — отметил хирург. — Поощрение хирургической общественностью воспринимаю как признание труда всего коллектива онкологов, прежде всего персонала нашего отделения.

Именной диплом получили еще 7 талантливых белорусских хирургов.